

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО, КАК МЫ О НИХ ГОВОРИМ

Армен Григорян (РФ, Москва)

ул. Обручева, 28, корп. 8, кв. 105

РФ, Москва, 119421

Эл. адрес: agrigh@yandex.ru

Статья представлена 09.10.2020, рецензирована 09.10.2020,

принята к публикации 28.06.2021

DOI: 10.53548/03208117-2021.2-185

Вступление

Соотношение мысли и чувства – извечная философская и психологическая проблема. В настоящей статье делается попытка осветить ее с позиций филолога, опираясь на анализ повседневного и литературного словоупотребления.

Близость мысли и чувства очевидна. Многие слова, относящиеся к сфере мысли, смысла, прежде обозначали чувства, ощущения, ср. др.-греч. νόος (νοῦς), φρένες (φρήν), лат. *sensus, mens, animus* (для полноты картины надо добавить, что «чувственные» значения в свою очередь происходят обычно из более ранних «телесных» и «стихийных» значений, ср. типичный ряд *воздух – дыхание – душа – дух*); сердце, о котором мы теперь говорим как об органе чувств, в древности считалось также сидением мысли, чему можно найти множество примеров в Библии, Ригведе, у Гомера; такие слова-понятия как *знать, помнить, воспринимать, казаться* равно могут быть отнесены к обеим сферам, как и некоторые характеристики (глубина, острота, сила, способность находить выражение в словах, поступках, жестах); ср. также взаимозаменяемость во многих контекстах выражений *потерять сознание* и *лишиться чувств*, соответственно *прийти, привести в сознание* – и *в чувство*.

От чувства к слову

Главное, что объединяет мысль и чувство, это их внутренний, «душевный» характер, то что они являются «внутренним делом» человека в противоположность слову и собственно делу (и «сердце» древних текстов это не столько конкретный орган, сколько середина вообще, «середка», нутро). Но взятые вне этого противопоставления, мысль и чувство сами становятся антиподами, борьба между которыми определяет всю внутреннюю жизнь человека. «Проблема человеческой души прежде всего состоит в столкновении чувственного и сверхчувственного» (Т. Манн. Волшебная гора, 6.6; перевод В. Куреллы). Ключом к этой проблеме мы считаем отношение к слову как члену триады «мысль, слово, дело»¹. Это слово, взятое в самом широком смысле – как то, что делает человека человеком и выделяет его из остальной природы. Мысль из этой триады определяется как слово к себе, разговор с самим собой², и она есть то, что выделяет личность из общества. Соответственно можно говорить о другой триаде, неразрывно связанной с первой: «личность, общество, природа» (или «я, люди, мир»).

Чувство мы тоже понимаем в самом широком смысле в соответствии со словоупотреблением, ср.: *органы чувств, шестое чувство, чувство боли (голода, страха, радости, любви, обиды, гордости, стыда, зависти и т.д.), чувственный мир и чувственный человек, чувствительный (удар и человек), бесчувственный, сверхчувственный* и др. В абсолютном употреблении *чувство* (как и *страсть*) обозначает любовь, но тот же корень мы находим в названиях гораздо менее одухотворенных переживаний: *ощущать, чують* (ср. *чутье, чуткий*, междометие *чу*), *чухать* ‘чують, нюхать’, *очухаться*; сюда же *очнуться, очутиться, чудо*, наречие *чуть*³. Одним словом, к чувствам относится все то, что в более наукообразном языке различается как ощущения, восприятия, представления, эмоции. Чем же объединяется

¹ Об этой триаде см. Топоров 1963, 11 и ряд более поздних работ того же автора; Айрапетян 2011 (по указателю); Григорян 1991.

² Ср. Айрапетян 2011, вб.

³ Этимологическое родство *ощущать* и *чують* очень вероятно, несмотря на возражения Фасмера (т. 3, 179), по любезному устному разъяснению В.Н. Топорова.

все это многообразие? По-видимому, только противостоянием мысли. Иначе говоря, чувством может быть названо все то во внутренней жизни, что не является мыслью.

Соотнесение с триадой «мысль, слово, дело» (resp. «личность, общество, природа») помогает, во-первых, определить место чувства в жизни человека, во-вторых, понять, чем оно отличается от мысли. Чувство, несомненно, относится к третьей из указанных сфер – к сфере природы, жизни, только это внутренняя природа человека, общая у него с другими живыми существами: «Все мы по пояс люди» (*т.е. наполовину, а там скоты*, поясняет Даль⁴). Вот прописные, по сути, истины, высказанные еще Аристотелем: «Жизнь животных определяется ощущениями, жизнь людей – ощущениями и мышлением» (Никомахова этика, 1170a15; перевод Э. Радлова); «Животное впервые появляется благодаря ощущению» (О душе, 413b1; перевод П. Попова). Именно в сфере чувств происходит действительная – т.е. на деле, а не на словах и не в мыслях – жизнь; чувствовать, переживать и значит жить. И по научным представлениям чувствительность, способность ощущать («раздражимость») – один из определяющих признаков жизни; бесчувственно мертвое тело. Ср.: «...ощущение по самой своей сущности есть нечто *живое*. Единственным определителем всякой живой реальности как раз и является ощущение [...]. В противоположность ему всё, что является собственно мыслью, образом или эмоцией, всегда оказывается, так или иначе, *порождением вещей отсутствующих*»⁵.

Из сказанного о слове, мысли и чувстве непосредственно вытекает основное отличие мысли от чувства – ее, мысли, словесная природа в противовес бессловесности, немоте чувства и природы вообще. «Боль без языка, а сказывается» (ПД, 398); по словам Гесиода, болезни приходят к людям «в полном молчании: не дал им голоса Зевс-

⁴ Даль 1957, 303 (далее – ПД с указанием страниц в тексте).

⁵ Валери 1993, 331; перевод В. Козового. Здесь и далее выделения во всех цитатах принадлежат их авторам.

промыслитель» (Труды и дни, 104; перевод В. Вересаева). «Бессловесные» – обычное определение животных во многих языках.

Это свойство боли и болезни в полной мере присуще всем чувствам. Чувство и боль, страсть и страдание очень близки и часто обозначаются одним словом, ср. др.-греч. *πάθος* ‘страдание, горе’ и ‘чувство, страсть’, откуда наши *пафос*, *патетический*, *патология*; лат. *passio* ‘претерпевание’, ‘страдание’ и ‘страсть’. Болезненность это как бы обостренная чувствительность, и наоборот, чувствительность – зачаточная болезненность (потому примеры с болью особенно красноречивы). А поскольку чувствительность – свойство жизни, то и жизнь существенным образом связана со страданием: «Жить – мучиться, а умереть не хочется», «Кряхтя живем. Жить – кряхтеть», «Тяжко на свете жить», «Жить грустно, а умирать тошно» (ПД, 279). И в пушкинском «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» за высоким духовным страданием просматривается его предтеча – обыкновенная физическая боль, связанная с любым проявлением жизни. Явственный оттенок страдания есть и в разговорном *переживать* (*из-за* чего или без дополнения). Для понимания сущности чувства важно еще одно значение слова *страдать* – ‘претерпевать, подвергаться воздействию’, ср. грамматический термин *страдательный* ‘пассивный’ (лат. *passivus* : *passio* : *patio*).

Жизнь это одушевленность тела, присутствие в нем души – «внутреннего тела». Здоровье – целостность организма, крепкое, прочное единство всех его частей, главные из которых (первое, самое крупное деление) именно тело и душа. Нарушение этой целостности, ослабление единства, ущербность, недостача, разделение называются болью, болезнью, а окончательное разделение главных частей, т.е. души и тела, – смертью, ср. *отдать богу душу*, *душа с телом расстается*, *в чем душа держится* (т.е. слаб, худ, хил) – ПД, 398. Уже исходная, по определению, раздвоенность всего живого на душу и тело может осмысляться как изначальная болезненность. Но раздвоение, разделение означает не только распад, разрушение, болезнь и смерть, но – в то же время – и увеличение, умножение, рост и рождение (ср. беременность и роды, сопровождаемые родовыми муками), на что указывает и

предполагаемое Трубачевым этимологическое родство *боль*, *болеть* и *более*, *большой*⁶.

Важно не только то, что боль без языка, но и то, что она сказывается, ср.: «Сама болезнь скажет, что хочет» (ПД, 400). Каким же образом она сказывается? О больном органе говорят *ноет* (*ноющая боль*), *гудит* (ср.: «Боль, как нота|Высящаяся» – М. Цветаева, Рельсы; «Я всюду был... И был я звук|Неугасимой, темной боли...» – А. Белый, Совесть; «...вся эта боль пробуждалась тогда снова, и душу Тёрлеса наполняла бессловесная жалоба, как вой собаки, дрожащий над широкими ночными полями»⁷), боль отзывается в других органах, требует утешения, стихает (последние два слова родственны⁸, сюда же *утеха*, *потеха*), ее можно заглушить, заговорить, потеря чувствительности называется онемением. Как можно заметить, речь обычно идет о каких-то дословесных, неясных, нечленораздельных, но всё же знаках, сигналах, причем и здесь дело касается не только боли, но и других чувств, ср. *душа (сердце) поет* – от счастья, «Так у меня сердце (вещее) и запело петухом» (ПД 273) – здесь уже от страха. Низшие физиологические желания-потребности называют *позывами* (*Меня позывает на еду*, «я есть хочу»⁹). По многим признакам имеется глубинное соответствие между словом-понятием «звать» и этой сферой доязыковых, природных смыслов, ср. еще выражения *чувство вызывается* чем, *отзывается*, *откликается* на что. Еще несколько примеров к дословесному «языку чувств»: «Душа душу знает, а сердце сердцу весть подает», «Душа с душой беседует», «Сердце чует (слышит). У сердца уши есть» (ПД, 304, 305); ср. *внушать* кому *чувство (страх, любовь, жалость)*; «Таинственным я занят разговором,|Но не с тобой я сердцем говорю» (*Лермонтов*, «Нет, не тебя так пылко я люблю...»); «В нем чувство вдруг заговорило|Родным когда-то языком» (*Лермонтов*, *Демон*, 1.9); «Познал я глас иных желаний»; «Она в волненье привела

⁶ Этимологический словарь славянских языков 1975, 288. Иначе – Аникин 2011, 17.

⁷ Музиль 1999, 128; перевод С. Апта.

⁸ Фасмер 1973, т. 4, 54, 63.

⁹ Даль 1994, т. 3, стб. 593.

|Давно умолкнувшие чувства» (Евгений Онегин, 6.44, 4.12); «О, не зови! Страстей твоих так звонок|Родной язык» (*Фет*, «О, не зови!»); «Кровь моя говорит во мне, а кровь не спрашивает, что можно сказать и что нельзя» (*Сухово-Кобылин*, Дело, 3.9), ср. древние представления о крови как носителе души, жизни.

Согласно «Определениям» школы Платона, «ощущение (*aisthēsis*) – стремление души; движение ума; сообщение, делаемое телом душе и направленное к пользе людей: из него рождается в душе внеразумная (*alogos*) познавательная способность, исходящая от тела (414c; перевод С. Шейнман-Топштейн). Более буквальный и по-видимому более точным был бы перевод *alogos* как «несловесная», «бессловесная». Присмотримся к этой схеме: ощущение как сообщение, имеющее «отправителя» (тело) и «получателя» (душу), – она, эта схема, явно «списана» с ситуации словесного общения, что уже делает ее сомнительной. Это типичный случай описания более раннего и простого в терминах более позднего и сложного, что само по себе вполне допустимо, но только если сложность не вносится в простое искусственно, извне¹⁰. «Язык чувств» это прообраз и предтеча языка слов, между этими двумя языками, конечно, должна быть существенная общность, но важно увидеть и существенные различия, заставляющие взять первое выражение в кавычки.

«Язык чувств» темен, невнятен: «О чем дитя плачет – и мать не понимает» (ПД, 417, – имеется в виду младенец, не умеющий выражать свои чувства словами). Ряд признаков сближает его с «языком животных» (тоже в кавычках!). Ноющая боль напоминает мычащее, ревущее животное (в неслучайности этого сравнения мы убедимся ниже), «язык» у них общий – «язык природы», противостоящий человеческому слову-логосу. Ср. противопоставление «*μῦθος-λόγος*» в статье В. Топорова «О ритуале. Введение в проблематику»¹¹:

¹⁰ В этом смысле закономерно, хотя и довольно курьезно, что в качестве родового названия для всех проявлений душевной жизни в науке и философии нередко употребляется термин «сознание», т.е. обозначение самой поздней и развитой формы.

¹¹ Топоров 1988, 60. Ср.: «А то чувство какое бессловесное в груди ворочается, стучит кулаками в двери, в стены: задыхаюсь! выпусти! – а как его, голое-то, шерша-

Если допустима связь др.-греч. $\mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ 'слово' ('миф', и.-евр. * $m\bar{u}-dh-$) и родственных ему лексем, обозначающих словесную и даже мыслительную деятельность и их результаты в других индоевропейских языках, со словами, восходящими к и.-евр. * $m\bar{u}-$, обозначающему неясную, неартикулированную, неполную речь, «квази-речь», «квази-слово» (ср. лат. *Muttiō* 'бормотать', 'пытаться разговаривать', др.-в.-нем. *mutilōn*, ср.-н.-нем. *mummelen*, англ. *tumble*, др.-инд. *mūka-* 'немой', 'безмолвный'/ видимо, исходно – 'плохо, кое-как говорящий', 'мычащий' и т.п./, арм. *munj*, др.-греч. $\mu\acute{\upsilon}\kappa\omicron\varsigma$, $\mu\iota\tau\tau\omicron\varsigma$ и т.п., лат. *mūtus* и т.п.; [...]), то окажется, что др.-греч. $\mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ 'слово' (→миф) мотивируется понятием некоей «до-речи», ее природного субстрата, хаотизированного звукоиспускания. В этом случае $\mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ – по происхождению скорее потенция, предрасположенность к речи, неясное стремление к воплощению [...]. Отсылающему к своим «до-культурным», биологическим корням $\mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ у в этом отношении противопоставлено другое обозначение слова, слова-мысли, слова-идеи – $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$. Понимаемый таким образом, миф- $\mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ отсылает к предшествующей эпохе («до- и пред-словной»), к тому состоянию души, которое стучится в мир слова, требуя в нем своего воплощения [...]¹².

Чувство не только сказывается (внутренне), но и высказывается, выражается вовне – в поведении, жестах, мимике, звуковых сигналах, наконец – в словах, в человеческой речи, ср. *прыгать от радости, дрожать от страха (волнения, нетерпения), визжать от удовольствия, кричать, стонать от боли; «У кого болит, тот и кричит»* (ПД, 140) – мы намеренно подбираем примеры, одинаково применимые и к животным и к человеку. Именно чувство является источником, побуждением, толчком к этим внешним проявлениям¹³. Таким образом, слово

вое, выпустишь? какими словами оденешь? Нет у нас слов, не знаем! Как все равно у зверя дикого, али у слеповрана, али русалки – нет слов, мык один! А книгу раскроешь – и там они, слова, дивные, летучие [...]» (Т. Толстая, Кысь, гл. Ци).

¹² Сюда же предположение Топорова об этимологической связи рус. *говори́ть*, праслав. **govoriti* и др. с и.-е. **gʷou-* 'бык', 'корова'. «В этом случае речь могла бы идти о сакрально отмеченном типе «коровьей» звуковой деятельности и о том, что говорить могло исходно означать что-то вроде 'коровить' (о звуках, издаваемых коровой, например, о ее призывном мычании) [...]» (Топоров 1999, 518).

¹³ Ср. знаменитые рассуждения Августина о первых шагах ребенка к овладению родным языком: «И вот постепенно я стал понимать, где я; хотел объяснить свои желания тем, кто бы их выполнил, и не мог, потому что желания мои были во мне, а

далеко не единственное средство выражения чувства, но чувство – единственное, что выражается словом (а мысль – лишь постольку, поскольку она «тоже чувство», о чем см. ниже), ср. «Что у кого болит, тот о том и говорит», «Что кого веселит, тот о том и говорит» (ПД, 417); «Чего хочется, того и просится» (ПД, 673); «Возьмет голод – появится голос», «Горе молчать не будет» (ПД, 142), «И путь с трудом наконец голосу открыт горем» (*Вергилий*, *Энеида*, 11.151)¹⁴; «А исходящее из уст – из сердца исходит» (Мф 15.18); «Излилось из сердца моего слово благое» (Пс 45.2); «Малый что глупый: что видит, то и бредит» (ПД, 432) – ребенок и дурак как простые, непосредственные люди, у которых первоначальная связь чувства (ощущения) и слова еще ничем не осложнена и не опосредована¹⁵. Лишь позднее на месте *говорить то что чувствуешь (видишь, хочешь и т.д.)* появляется *говорить то что думаешь*¹⁶, ср. «Что на уме, то и на языке» (ПД, 413) – опять-таки у ребенка, дурака и у пьяного.

окружающие вне меня, и никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу. Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям – но знаки эти не выражали моих желаний» (Исповедь, 1.6; перевод М. Сергеевко).

¹⁴ Перевод подстрочный. Ср. оригинал: Et via vix tandem vocilaxatadolore est. Аналогичное выражение – *dolorvocemlaxavit*, «боль заставила заговорить» – отмечено у Марка Юния Юстина (Дворецкий 1986, 445).

¹⁵ Ср.: «Оно [чувство] такое исходное выражение, которое выражает собою всё, а само невыразимо за отсутствием средств к тому; проще, исходнее, ближе человеку ничего нет, мы коснулись «ядра» человека, оно и есть это чувство, прямо переходящее в голос, орган, орган природы» (Биbihин 2001, 85). Целиком соглашаясь со второй половиной этой фразы, можно поспорить с первой, с тем что «чувство выражает собою всё, а само невыразимо»: простота и исходность чувства скорее означает, что оно не может собою что-то выражать, – ведь тогда еще более простым и исходным оказалось бы это самое «что-то». А невыразимость чувства опровергается нашей ежедневной, ежечасной практикой. Разумеется, слово не может выразить чувство во всей его полноте (в силу их разнородности, разноприродности), тем не менее наиболее полное выражение чувство находит именно в слове. Лучше выражается словом соприродная ему мысль, хотя и между ними всегда есть некоторый зазор («Мысль изреченная есть ложь!»).

¹⁶ О чувственной, интуитивной подоплеке логической мысли писал Флоренский: «Обыкновенно, в какой бы области я ни размышлял, мысль шла сама собой и почти без моего ведома, тогда как сознание бывало занято совсем другим, нередко обратным тому, что готовилось на большой глубине. Это была совсем не логическая мысль, а,

Высказываются обычно сильные, наболевшие чувства: «от избытка сердца говорят уста» (Мф 12.34). Мы говорим, что чувства рвутся, просятся наружу, требуют выражения, ср. *излить душу, выговориться, искать слова, делиться горем, радостью* и т.д., ср.: «Нет дня, чтобы душа не ныла, | Не изнывала б о былом, | Искала слов, не находила [...]» (Тютчев, «Нет дня...»); «И звуков и смятенья полн» (Пушкин, Поэт); «Есть святые в сердце звуки, – | Дай для них язык!» (Бунин, «Под оргán душа тоскует...»); «Дары моря, как смычком, вели по душе и вызывали трепетное чувство – не чувство, а словно звук, рвущийся из груди, – предощущение глубоких, таинственных и родимых недр, как весть из хризоберилловых и аквамариновых недр бытия» (Флоренский, Детям моим, 2); «Но покой этот был выражением глубочайшего возмущения и гнева, при котором над воротничком так и трепыхались, как ленточки на ветру, слова, многочисленные и произнесенные» (Битов, Пушкинский дом, 3.2); «Таковы эти пробуждения – словно проснулся в могиле: открываешь глаза и лежишь замерев, стиснув руки, дожидаясь, когда заговорит, назовет себя эта мука; а она еще долго давит тебе на грудь, не произнося ни слова» (А. Мёрдок, Под сетью, 16; перевод М. Лорие).

Языковые конструкции, обозначающие чувства, бывают нескольких основных видов, ср.: *мне больно – у меня болит* что – что *причиняет мне боль – боль меня мучает – я чувствую боль* и т.д. Безличные формы обычно звучат естественнее, органичнее личных (ср. *мне весело, стыдно, жалко, обидно* – и *я веселюсь, стыжусь, жалею, обижаюсь*), что тоже сближает чувства с природными, стихийными явлениями, ср. *Мне холодно* и *На улице холодно*. Личные формы вероятно вторичны и созданы по образцу активных конструкций с глаголами речи, действия, мысли. В результате мы имеем внутренне противоречивые образования, потому что ситуация чувства в корне отличается от ситуации говорения и активного действия. Фразы типа А *говорит* Б и

скорее, присматривание к некоторой новой области, ощупывание ее и внутреннее к ней приспособление. Когда оно достигалось, само собой возникало и **слово** его» (П. Флоренский. Детям моим, 6). Ср. сходные признания Эйнштейна и других ученых.

А *чувствует* Б не имеют между собой почти ничего общего, кроме внешней грамматической формы¹⁷. Чувство страдательно, пассивно, точнее неактивно (ср. индоевропейское противопоставление актива и инактива), у него нет ни субъекта ни объекта в том смысле, в каком они имеются у слова (мысли) и дела. Сами понятия чувства и души как предметов или существ, соотносимых с действительно предметным и материальным телом, являются фикцией, созданной языком (правда, нужно сразу же сказать в защиту языка, что он же – а что еще? – дает возможность выявить эту фиктивность). Предмет, вещь можно определять по-разному: как то, что существует, имеет место, или то, что доступно чувствам (кантовское *Sinnenwesen*), или то, о чем можно говорить (предмет речи). Чувство и душа противоположны вещи, понимаемой в первых двух смыслах. Называя душу внутренним телом, мы должны помнить, что она не имеет никакого своего места, отличного от того, которое занимает собственно тело, и ее нельзя видеть, осязать, вообще чувствовать «извне». Это не вещь, не тело, а свойство, «функция» тела, связанная с его особой организацией (ср. *организм, органический, орган* – к тому же греческому корню что и ἔργον ‘дело’, ‘вещь’, ἐνέργεια ‘деятельность’, ‘энергия’). По Цветаевой «душа наша способность к боли – и только»¹⁸.

Представление о душе как о вещи, объекте (ср. управление: что *пугает* кого, *радость охватывает* кого, *зло берет* кого, *тоска нападает* на кого, *ужас овладевает* кем) появилось по аналогии с телом. В приведенном выше платоновском определении ощущения («сообщение, делаемое телом душе») отразилось другое представление: душа – адресат чувства (ср. дательный падеж в *мне больно, грустно* и под.), подобный адресату слова. И наконец, образ души – субъекта чувства возник по аналогии с субъектом слова (мысли).

¹⁷ Больше сходства между *говорить/думать, что* и *чувствовать, что*. Но непосредственность чувства мешает сказать **чувствовать о чем* по образцу *говорить/думать о чем*.

¹⁸ Цветаева 1994, 364.

Так же непросто обстоит дело с пассивностью чувства и души. Ведь есть в них, в неотделимой от них жизни и бесспорно активное, «энергийное» начало, ср.: *живой* ‘подвижный, деятельный’, *оживленный*, *живо*, *живчик*; понимание чувства как движения души; тепло, связанное с жизнью и чувством (см. ниже). Эта противоречивость объясняется средним положением души в триаде «дух, душа, тело»: по сравнению с косным, «земляным» телом душа подвижна и «воздушна», а по сравнению с бесплотным и свободным духом (мыслью, разумом) она сама кажется косной и излишне телесной. Такая двойственность души напоминает двойственность слова (тоже среднего члена триады), чеканно выраженную той же Цветаевой: «Слово для идей есть тело, для стихий – душа»¹⁹. Язык – «вечный посредник между духом и природой» (Гумбольдт, О различии строения человеческих языков..., § 31; перевод В. Библихина).

От слова к мысли

Уподобление чувства слову, языку инвертирует подлинный порядок вещей. Младенец Августин, наоборот, знаками пытался выразить «нечто подобное» своим желаниям. Всех этих звуков и слов, рвущихся из души, в душе как раз нет. Они проецируются туда извне, из мира подлинных слов и задним числом. Но с возникновением феномена мысли этот мнимый язык чувств вдруг обретает реальность. Слово, становясь мыслью, разговором с самим собой, интериоризуется, «уходит внутрь», в сферу чувств, а поскольку слово уже как бы несет в себе выраженное им чувство, происходит своеобразное круговращение, возврат чувства к самому себе, «рефлексия». Можно сказать, что чувство превращается в мысль через посредство слова. Ср. в «Чевенгуре» Андрея Платонова: «В этом затухающем, наклонившемся мире Дванов разговорился сам с собой. [...] Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует. [...] И вновь заговорил, чтобы думать». И далее: «– Я не говорил, а думал, – сказал он. – Пока слово не скажешь, то умным не станешь, оттого что в молчании

¹⁹ Цветаева 1994, 360.

ума нету – есть одно мученье чувства...». Даль в «Напутном слове» к своему словарю: «...без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мычание»²⁰. «А что такое вообще думать? Мы нечто немое облакаем в слова, и получается мысль» – из интервью Андрея Битова²¹.

Итак, мысль это внутреннее слово, использующее для своего осуществления «механизм» чувства. Двойственная, словесно-чувственная природа мысли отражена и в таких ее определениях как «слово к себе», «разговор с самим собой», «внутренняя речь». *К себе, с собой, сам, внутренний* – все эти уточнения указывают на «чувственную», природную составляющую человека. Особость, отдельность, замкнутость и отсюда неделимость, нечленимость характерны для природных явлений, ср. *особь* (: *себе, собой*), др.-греч. ἄτομος 'неделимый', лат. *in-dividuum* 'атом', 'неделимое'. Создает общность, наводит мосты, исцеляет слово, а мысль расчленяет, расщепляет, анализирует, и это касается не только объекта мысли, но и субъекта: думающий сам расщеплен, раздвоен на «говорящего» и «слушателя» (внутренний голос и внутренний слух).

Страдательности в обоих смыслах, т.е. пассивности и болезненности, чувства противостоят активность и веселость слова²² («Слово – чистое веселье, | исцеленье от тоски!» – *Мандельштам*, «И поныне на Афоне...»). Мысль двойственна и здесь, в ней сочетаются активность, произвольность слова (ср. *рассуждать, соображать, обдумывать, осмысливать, думать* над чем, *шевелить, раскидывать мозгами, работать головой, приходить к мысли* и т.д.) и пассивность, непроизвольность чувства (ср. *пришло/взбрело в голову, вздумалось, мелькнуло, пронеслось в мыслях, представляется, кажется, грезится, идея овла-*

²⁰ Даль 1994, т. 3, Приложение, с. II.

²¹ Битов 2001, 78. Ср.: «– Я не могу не писать, – сказала я Грише, – когда я не пишу, я не думаю. – Что ж, каждый думает как может. Некоторые думают, когда пишут; другие (я, например), – когда говорят» (Гинзбург 2002, 125).

²² Григорян 1992.

девает кем, захватывает кого и т.д.²³). К связи мысли со страданием: «Долгая дума, лишняя скорбь», «И от ума сходят с ума. И от лишня ума сухота», «У горя и догадки. Беда ум родит», «С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться», «Где умному горе, там глупому веселье», «Умный плачет, а глупый скачет» (ПД, 494, 442, 476, 443); «Во многой мудрости много печали» (Еккл 1.18); «Клянусь вам, господа, что слишком сознать – это болезнь, настоящая, полная болезнь» (*Достоевский*, Записки из подполья, 1.2); сюда же название комедии Грибоедова. Но в мысли, внутреннем разговоре, есть и радостное, целительное начало – это радость человеческого, словесного общения. Думающий одинок, но одинок он внешне, в душе у него целый мир – мир человеческих голосов, который порой ставится выше внешнего мира. Поэтому у людей, живущих напряженной духовной жизнью, сильна потребность в одиночестве, а его недостаток мучителен. Ср.: «Ни северная погода, ни ледяная стужа спальни, где традиция запрещала топить, не могли изменить мечтательную жизнерадостность Мартына. Одиночество веселило его» (*Набоков*, Подвиг, 14); «Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство» (*Достоевский*, Записки из Мертвого дома, 1.2). Эта потребность лежит в основе затворничества, отшельничества и других видов поведения, ограничивающих внешнее общение.

Подлинно и безысходно одинок не мыслящий, а чувствующий – ср. выше об отдельности природного. Вкус, голод, наслаждение, боль, смерть каждый переживает в одиночку: «На вкус, на цвет товарища нет», «Каждому своя болезнь тяжела» (ПД, 816, 609). Чтобы разделить чувство, нужно определенное интеллектуальное усилие. Сочувствие, вчувствование, эмпатия возникают не непосредственно от чувства дру-

²³ Ср. в «Шинели» Гоголя о «том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их».

гого существа, а при участии воображения, опирающегося на прошлый опыт и память.

Основное назначение чувства в том, чтобы после получения некоего толчка, импульса из внешнего мира побудить организм к ответному действию (в том числе знаковому, словесному, мысленному). Чувство естественно следует за внешним воздействием и предшествует ответу на него и в этом смысле является средним звеном, посредником между ними. (Без этого посредника мы имели бы дело с простым физическим действием и противодействием.) Но важно, что само оно и следует и предшествует непосредственно, т.е. между чувством и внешним миром нет ничего, так же как между чувством и вызванной им реакцией²⁴. С возникновением мысли, этого «слова-чувства», создается парадоксальная ситуация: мысль как слово (как всякое слово) следует за чувственным импульсом, вызывается, порождается им, а как чувство – сама становится таким импульсом, источником и содержанием (смыслом) слова и дела. Естественному *делать (говорить) что хочется* противопоставляется императивное *Думай, что делаешь (говоришь)*, «Сначала думай, а под конец делай!», «Сперва подумай, а там и скажи!»²⁵ (ПД, 410, 495). Мысль как бы стремится вытеснить чувство, занять его место и стать импульсом, побудителем любого дела и слова, а значит и самой себя – своим собственным смыслом и обоснованием. Разумеется, это недостижимо, если речь идет о мысли и чувстве вообще. Чувство всегда будет предшествовать мысли. Но каждая отдельная, конкретная мысль может быть обоснована, «подкреплена» другой, более исходной (логически) мыслью. В таком бесконечном самоуглублении и состоит самопознание личности.

²⁴ Можно конечно и само чувство считать реакцией, но дело в том, что без последующих действий эта реакция теряет смысл, ср.: «Кручиною людей не насытишь», «Слезами горю не поможешь», «Перестань о том тужить, чему нельзя пособить» (ПД, 141, 150). В этом отношении чувство сближается с другими знаковыми, символическими действиями – словом и мыслью, ср.: «Сколько ни говорить, а с разговору сытым не быть», «Долго говорить – тому же быть»; «Долго думать – тому же быть. Думай не думай – тому же быть» (ПД, 416, 409, 433). С чувства – первичного знания – и начинается знаковость.

²⁵ Об этих и подобных выражениях см. Айрапетян 2011, в5сл.

Чувство и мысль как этапы познания

Чувство – первичный источник знания, мысль – вторичный, опосредованный чувством и словом. Связь чувства и знания (знаковости) так глубока, что можно сказать, что они восходят к одной временной «точке» – к «рождению души», т.е. к возникновению жизни. Чувственное познание свойственно всему живому. Мы говорим о животных не только *видит, слышит, чувствует*, но и – безо всякой метафоры – *знает, узнаёт, научается, помнит*²⁶, даже *понимает*. Отсюда близость рождения, вхождения в жизнь, и знания, ср. этимологическое тождество и.-е. **ĝen*-I 'рождать' и **ĝen*-II 'знать'²⁷.

Непосредственность чувственного знания, жесткая привязка к воспринимаемому придают ему достоверность, почти непогрешимость. В норме чувства не могут лгать, обман чувств это или случайность или патология, нарушение самого механизма чувства, которое (чувство) призвано «автоматически», «не рассуждая» передавать полученные импульсы²⁸. Поэтому если и можно говорить о правдивости/лживости чувства, то совсем в другом смысле, чем мы говорим о правдивости (истинности) слова и мысли. Ср. Витгенштейн в передаче Нормана Малкольма: «Существуют разряды утверждений, которые не могут быть опровергнуты будущим опытом, например утверждения об ощущениях [...]»²⁹. Слово уже гораздо свободнее от диктата частного, сиюминутного опыта, так как оно несет в себе богатый чужой опыт. Но зависимость чувства от внешнего мира сменяется в слове зависимостью от других людей, от общества. Лишь мысль, включающая в себя (хотя бы предположительное, предвосхищаемое) чужое слово и,

²⁶ Теперь можно с достаточной уверенностью говорить и о способности к восприятию у растений.

²⁷ Трубачев 1959, 154сл.; Топоров 1994, 131-154.

²⁸ Ср.: «Там, где человек мучительно болтается на мутной поверхности судебной, фактической недоказанности, неподтвержденности собственных ощущений и чувств и вынужден, как бы юридически, не доверяя собственным, свойственным ему, точным по природе ощущениям и чувствам, там он и разучается руководствоваться ими в своих поступках, то есть перестает их совершать – свои поступки» (*Битов*, Пушкинский дом, 1.6).

²⁹ Малкольм 1993, 89, перевод М. Дмитриховской.

значит, чужой опыт, вполне самодостаточна и самостоятельна и способна достигать неограниченной свободы («Ум сяжком под небеса уходит», «Доходит ум и до бога» – ПД, 432). Но мере этой свободы соответствует и мера «лживости» – отрыва от действительности, эфемерности, фантастичности. Слово и мысль создают условные, вымышленные ситуации, «возможные (виртуальные) миры» с целью расширить человеческий опыт, испытать, испробовать, «проиграть» различные возможности. Такая словесно-мысленная прикидка нужна, чтобы не ошибиться на деле («Семь раз примерь, один раз отрежь!» – ПД, 669). Но отличить фантазию от реальности, ложь от правды можно в конечном счете только с помощью чувства. Отвлеченное, «головное» знание, добытое при помощи мысли (слова), должно быть подкреплено, подтверждено, удостоверено чувством, прочувствовано, пережито, иначе оно останется пустой игрой ума или мертвой схемой. Ср.: «Но все-таки происходит во мне борьба чувств с мыслью, то есть сейчас я мысль ненавижу, сую ей с презрением: что ты, иссушенная, искусственная кикимора, стоишь по сравнению с миром красок и плоти, что ты знаешь об истинных, первичных вещах!»³⁰. Чувства составляют основную, древнейшую и самую глубинную часть души, а мысль – тонкий поверхностный слой над этой толщей³¹. Так в отношении субъекта познания. Но в отношении познаваемого объекта наоборот: чувства имеют дело с внешней, поверхностной стороной вещей, а мысль проникает в глубину, в сущность (оговоримся только, что это метафорическая глубина).

Естественно встает задача соединения преимуществ мысли и чувства. Это может представляться как подтягивание чувства до мысли

³⁰ Суконик 1990, 207.

³¹ Ср.: «...рассудок, господа, есть вещь хорошая, это бесспорно, но рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни, т.е. всей человеческой жизни, и с рассудком и со всеми почесываниями. [...] Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет» (*Достоевский*, Записки из подполья, 1.8). Отметим сближение «хотенья», «жизни» и «натуры человеческой» – и именно в противовес рассудку.

(ср.: «Душа не удерживается на высотах, которых в едином порыве порой достигает разум: она поднимается туда не как на престол, не навечно, а лишь на короткое мгновение»³²) или как «низведение ума в сердце» (Григорий Палама, исихасты, йоги). Вся проблематика веры основана на напряженном противостоянии рационального и чувственного знания, и речь здесь идет о вере не только в религиозном понимании, ср. тютчевское «Умом Россию не понять [...] В Россию можно только верить» (где, впрочем, можно усмотреть подспудное желание придать чувству любви к России именно религиозный характер). Только прочувствованная, ставшая чувством идея по-настоящему усвоена человеком, сделалась частью его самого, побудительным мотивом его поведения. Очень часто, забыв о происхождении этих «чувств-идей», мы считаем их столь же естественными, безусловными, чуть ли не врожденными, как и обычные чувства, видим «дело вкуса» там, где на самом деле скрыты идеологическая оценка, логический вывод и даже математический расчет (ср. восприятие красоты, которое обычно кажется нам таким же непосредственным и безусловным, как, скажем, восприятие вкуса или запаха, но которое в действительности основано на тончайших и сложнейших мыслительных актах, не говоря о том, что и в восприятии человеком вкуса и запаха, как в любом человеческом восприятии, имеются идеологические моменты, ср., например, чувство отвращения, брезгливости, отсутствующее у животных). В то же время имеется немало чувств (эмоций), которые, как и отвращение, присущи только человеку и отсутствуют у животных, хотя чисто природный «субстрат» у каждого из них, конечно, есть: стыд, зависть, ревность, любовь и т.д.

Мысль, как и слово, связана с путем (ср. *мысли приходят в голову, приходит к идее, течение мыслей, ход рассуждений, нить размышлений* и т.д.), а чувство – с местом; мысль открывает новые пространства, чувство их осваивает, обживает как дом.

До сих пор мы говорили о чувствах как о чем-то однородном в соотношении с мыслью и словом, но понятно, что и между чувствами

³² Паскаль, Мысли, N 351; перевод Э. Линецкой.

есть немалые различия. Ощущения, восприятия органов чувств более приземленны, «телесны», чем эмоции, а таким «животным» эмоциям, как ярость, страх, похоть, противостоят более одухотворенные человеческие эмоции: гнев, стыд, любовь; бывает боль физическая и душевная и т.д. Даже простейшие «пять чувств» имеют каждое свое «лицо». Самое «природное», самое «плотское» из них – осязание: «Тысячелетиями мы оттесняли и заглушали в себе самое древнее, самое верное, самое земное из наших чувств – осязание. [...] Живое, никогда не обманывающее знание; жадное прикосновение к вещи, овладение вещью, непосредственное общение с плотью вещи – осязание осталось всецело верным древнейшей, исконной природе познания – природе эротической. Через него мы должны вернуться к древнейшей цельности, к живой причастности миру. Познать этот мир, как знают тело любимой: всей мудростью осязающего вожделения»³³. Помня сказанное раньше об активности/неактивности чувства, нужно добавить, что овладение вещью имеет и другую, не менее важную сторону: познающий и сам вовлекается в мир вещей, поглощается, охватывается им. Этот аспект проскальзывает в словах Николая Бахтина о «живой причастности миру». В «Человеке без свойств» Музиля говорится «о существовании двух больших, противоположных друг другу групп представлений, одна из которых основана на том, что субъект охвачен содержанием воспринятого, другая – на том, что он сам охватывает его. Высказывалось убеждение, что такое “пребывание внутри чего-то” и “разглядывание снаружи”, такая “вогнутость” и “выпуклость” ощущения, “пространственность” и “созерцательность” повторяются и во стольких других противоположностях восприятия и соответствующих ему формул, что за этим таится изначальная двойственность человеческого восприятия» (2.3; перевод С. Апта).

³³ Бахтин 1995, 36. Ср.: «Но не странно ли, что чувство осязания, которое бесконечно менее ценится человеком, чем зрение, не только теряется реже всего, но становится в критические минуты нашим главным, если не единственным, критерием действительности» (Набоков, *Лолита*, 2.36). И действительно, первичный, детский способ удостовериться в чем-либо это прикоснуться, «потрогать руками» (жест апостола Фомы).

Осязание лежит в основе остальных чувств – менее непосредственных, но более тонких, «чутких». Среди них выделяется зрение – так сказать прямой наследник осязания, перенявший от него функции «самого верного из наших чувств». Зрение с одной стороны противостоит остальным чувствам (ср. замечание Даля, что *чують*, как и *слышать*, говорится о всех чувствах кроме зрения³⁴), с другой – выступает их образцовым представителем, ср.: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», «Паче слуха видение», «Не верь ушам, верь очам! Не верь речам, верь своим глазам!» (ПД, 316). Но возможность выхода за пределы чувственного мира, преодоления «природности» чувства дает не зрение, а именно слух как способность воспринимать слово. Уступая зрению и другим чувствам в достоверности, «правдивости», слух (имеется в виду именно речевой слух; восприятие природных звуков ничуть не менее достоверно, чем все остальные чувства) неизмеримо превосходит их в богатстве и глубине поставляемых сведений, потому что в слове содержится свой и чужой опыт, а главное – раскрывается своя и чужая душа. (Для овладения речью слух важнее зрения: опасность вырасти немыми грозит не слепым, а глухим детям). Выражая чувство, слово овнешняет, обнаруживает его, как бы показывает (ср. *с-казать*, *вы-сказать*), делает видимым, выводит на свет (ср. с рождением – появлением на свет и упомянутый выше индоевропейский корень **ǵen-* ‘рождать’ и ‘знать’).

Как уже было сказано, в мысли есть и словесное начало (внутренняя речь, внутренний голос, внутренний слух) и чувственное (ср. такие выражения как *нащупать проблему*, *коснуться вопроса*, *духовный голод*, *пища для ума*, *интеллектуальное наслаждение*, *схватывать*, *улавливать (мыслью)*, аналогичное употребление слов *чутье*, *нюх*, *вкус*, *смак*). Особенно часто мысль уподобляется зрению – образцовому чувству – и свету: «Видит око далёко, а ум (думка) еще дальше» (ПД, 431), ср. *взгляд(ы)*, *воззрения*, *точка зрения*, *умозрительный*, *иметь в виду*, *предвидеть*, (*пред*) *усматривать*, *прозрение*, *озарение*, *казаться*, *видеться*, *объяснять*, *уяснять*, *освещать (вопрос*,

³⁴ Даль 1994, т. 4, стб. 269, 1381.

тему), *бросать свет, свет ученья, просвещение, ясный ум, светлая голова* – обморок, помрачение сознания, неясный, темный человек – необразованный или непонятный, *темное дело, мракобесие*; видением мотивированы слав.**vědati*, др.-греч. ἰδέα, θεωρία, εἶδος, лат. *aspectus, speculatio, species*.

Мысль это внутреннее видение – и в том смысле, что она внутри познающего, и в том, что она проникает внутрь, в сущность познаваемого – благодаря словесному началу в ней. Только слово, идущее из глубины чужой души, может дать представление об этой душе, осветить ее «потемки», и «свет» мысли это прежде всего «свет» слова. Он подобен и в то же время противоположен реальному свету. В пределе физическое зрение может даже восприниматься как помеха духовному видению, ср. распространенный мотив физической слепоты мудрецов, пророков, поэтов – творцов и носителей первослова-логоса; нельзя не вспомнить и самоослепление духовно прозревшего Эдипа.

Мысль светла, но холодна в отличие от темного (слепого), но горячего чувства – это одно из самых устойчивых противопоставлений. Говоря о чувствах, «страстях», мы используем выражения *гореть, сгорать* (от желания, любви, нетерпения, стыда), *горячий* ‘страстный’, ‘нетерпеливый’, *горячиться, горнило страстей, кипеть, вспыхивать, разгораться, разжигать, распалять, пылать, пылкий, пыл, вспыльчивый, пламя, опалять, запальчивый* – и *угасать, охладевать, остывать, остужать (пыл), хладнокровный* и т.д. Вот только несколько литературных примеров: «В крови горит огонь желанья» (Пушкин, «В крови горит...»); «Быть может, чувствий пыл старинный | Им на минуту овладел»; «В нем пыл души бы охладел»; «Страстью безотрадной | Татьяна бедная горит»; «Пылать – и разумом всечасно | Смирять волнение в крови» (Евгений Онегин, 4.11, 6.38-39, 4.23, 8.32); «Кто с минуту переможет | Хладным разумом любовь» (Пушкин, Опытность); «Желаньем пламенным томим» (Граф Нулин); «все чувства его горели» (Гоголь, Невский проспект); «от холодного умственного воззрения пускаются в критические дебри и рассуждают там, где надо прежде всего чувствовать и огнем чувства освещать путь уму» (Гончаров,

Заметки о личности Белинского); «Есть чувства, восполняющие и затемняющие разум, и есть разум, охлаждающий движение чувств. Страшен, кто обошел свои природные страсти холодным умом и огонь души запер в стены рассудка» (*Пришвин, Глаза земли*). Большую подборку литературных цитат и устойчивых сочетаний к этой же теме см. в книге М. Гершензона «Гольфстрем».

Примеры с болью (болезнью) – «усиленным чувством» – опять-таки особенно показательны: «Что к огню ближе, то жарче; что к сердцу ближе, то больнее» (ПД, 609), ср. *жар, воспаление* как симптомы болезни, *горячка, жгучая, обжигающая боль, изжога, огреть*, областные слова *огнёва, огнёвка, огневица, огневик, огник, огница* и др. со значениями ‘горячка’, ‘воспаление’, ‘болячка’, ‘нарыв’³⁵. С огнем связаны и *печаль, печься* (: *печь*), *горе, горький* (: *гореть*)³⁶. Ср.: «И тогда ей порой казалось, что ее страдания пылают в ней, как маленькие языки пламени, и что-то заставляло ее зажигать всё новые и новые, не зная покоя [...]» (*Р. Музиль, Созревание любви*; перевод И. Алексеевой)³⁷. Пушкинское противопоставление «ума холодных наблюдений» и «сердца горестных замет» оживляет связь горя с горением.

Объясняются эти сближения тем, что тепло как и чувство неотъемлемый признак жизни. Деятельность, активность (ἔργον и ἐνέργεια) организма связаны с горением и выделением тепла. В этот узел вплетается еще один признак и проявление жизни – дыхание, исподволь присутствующее в словах *душа, дух*, др.-греч. ψυχή, θυμός, πνεῦμα, лат. *spiritus, anima*, ср. *вдохнуть жизнь в кого, испустить дух, бездыханный* и т.д. «Ведь жизнь в основном это всего-навсего кислородное сгорание клеточного белка. Отсюда и то приятнейшее животное тепло, которого иногда у нас бывает слишком много», – объяснял температурающему Хансу Касторпу доктор Беренс в «Волшебной горе» (5.7; перевод В. Станевич). «Энергетическую» картину душевной жизни рисует Владимир Соловьев в статье «Судьба Пушкина», 3 (1897):

³⁵ Даль 1994, т. 2, стб. 1653-1655.

³⁶ Фасмер 1964, т. 1, 440, 441, Фасмер 1971, т. 3, 254.

³⁷ Музиль 1999, 197.

Сильная чувственность есть материал гения. Как механическое движение переходит в теплоту, а теплота – в свет, так духовная энергия творчества в своем действительном явлении (в порядке времени, или процесса) есть *превращение* низших энергий чувственной души. И как для произведения *сильного* света необходимо сильное развитие теплоты, так и высокая степень духовного творчества (по закону здешней, земной жизни) предполагает сильное развитие чувственных страстей. Высшее проявление гения требует не всегдашнего бесстрастия, а окончательного *преодоления* могучей страстности, торжества над нею в решительные моменты.

Из этого рассуждения можно извлечь и объяснение холодности мысли (а она требует объяснения, ведь если речь идет о неуклонном нарастании энергии, то откуда холод?): эта холодность связана с преодолением страстности, с превращением низшей энергии чувства в высшую энергию мысли.

Будучи знанием, чувство не может не быть связано со светом (ср.: «Бывают минуты, когда все мое тело освещается. [...] Я вдруг вижу себя изнутри... Я различаю глубину пластов моего тела; я чувствую пояса боли – кольца, точки, пучки боли. Вам видны эти живые фигуры? Эта геометрия моих страданий? В них есть такие вспышки, которые совсем похожи на идеи». – *Валери*, Вечер с господином Тестом³⁸); но неясный, смутный свет чувства меркнет в сравнении со светом мысли, так же как физическое зрение оборачивается слепотой в сравнении с духовным.

Итак, можно сказать, что темный жар чувства переходит в холодный свет мысли. Такой способ выражения сразу выстраивает четырехзвенную цепочку:

темный холод – темный жар – горячий свет – холодный свет
– и наталкивает на поиск соответствий оставшимся двум звеньям. Первому («темный холод»), конечно, соответствует мертвая вещь, бездушное тело, а горячему свету (т.е. огню) – вероятно, слово, ср. глубинные связи с огнем первослова-логоса у Гераклита, позднее у стоиков. Похищение огня, «самого человеческого из всех земных

³⁸ Валери 1993, 81-82; перевод С. Ромова.

явлений», «символа жизни и веселья»³⁹, и создание человека это два главных, сливающихся в один подвига Прометея, за которыми просматривается обретение слова⁴⁰. Из уст первочеловека Пуруши родился Агни (Ригведа, 10.90.13): «изо рта [вышла] речь, из речи – огонь»; «огонь, став речью, вошел в рот» (Айтарея упанишада, 1.1.4, 1.2.4; перевод А.Я. Сыркина). Ср.: «вот, Я сделаю слова Мои в устах твоих огнем, а этот народ – дровами, и этот огонь пожрет их» (Иер 5.14); «Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?» (Иер 23.29)⁴¹; пушкинское «глаголом жги сердца людей», навеянное библейскими образами, лермонтовское «из пламя и света рожденное слово», «могучей мысли свет и жар и огнедышащее слово» у Языкова, «и слова пламенная ковкость» у Мандельштама и т.д.

Во внутренней беседе, каковой является мысль, кроме первого, «своего» голоса, непосредственно представляющего «голос чувства», участвуют и другие, «вторые» голоса, возражающие, спорящие, соглашающиеся с первым. Всё это голоса, так сказать, одного уровня, одинаково пристрастные, каждый со своей болью («Что у кого болит...»), со своей правдой. Но есть еще и голос третьего – судьи, посредника, примиряющего стороны, разрешающего споры (со-мнения) и принимающего решение⁴². Это голос разума (совести) – трезвый⁴³, отстра-

³⁹ Честертон 1984, 161; перевод С. Белова.

⁴⁰ См. об этом подробнее Григорян 1994, 136.

⁴¹ Ср.: «Благодатное слово Божие действует в сердце *яко огонь горящ* (Иер 20.9); сердце воспламеняется и горит, когда к нему прикасается луч божественного слова (Лк 24.32)» (Юркевич 1990, 71).

⁴² Слав. **sǫdъ*, **sъ-dě-* из и.-е. **som-+ dhē* - 'со-полагать', 'со-поставлять'. О третьем в диалоге см. Бахтин 1996, 336-338.

⁴³ Трезвости противостоит опьянение, упоение чувством. И, шире, сухости мысли – влажность, текучесть чувств, отраженная в словах *волновать(ся)*, *переполнять* (душу, сердце, ср. *чаша терпения*), *ис-полнять желание*, *захлестывать*, *перехлестывать через край*, *изливать(ся)*, *всплеск эмоций* и т.д. Ср. «гуморальные» теории чувств и темпераментов, изречение Гераклита «Сухая душа – мудрейшая и наилучшая» (Лебедев 2014, 179). Добавив этот признак к рассмотренным раньше, получим влажный темный жар чувства, который вновь напоминает о природе как жизненном, рождающем материнском начале (ср. *мать сыра земля*). Неслучайно душа во многих языках женского рода («Душа ведь женщина» – Мандельштам, «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»), а дух, разум – мужского.

ненный от «чувственных» голосов, беспристрастный, а значит бесстрастный, холодный. Эти оттенки смысла чаще связываются со словом *рассудок* (*суд, судить, рассуждать*).

Противоположность мысли и чувства часто представляется в виде борьбы человека с самим собой, со своей внутренней природой (или «божественного» начала с «животным») – частный случай борьбы человека с природой. Ср. в «Мыслях» Паскаля:

Междоусобица разума и страстей в человеке. Будь у него только разум... Или только страсти... Но, наделенный и разумом и страстями, он непрерывно воюет сам с собой, ибо примиряется с разумом, только когда борется со страстями, и наоборот. Поэтому он всегда страдает, всегда раздираем противоречиями.

Из-за этой междоусобицы разума и страстей люди, стремившиеся жить в мире с собой, разделились на две секты: одни решили отказаться от страстей и стать богами, другие – от разума и уподобиться тупым животным (N 412, 413; перевод Э. Линецкой)

В описаниях этой борьбы широко используется «батальная» лексика: говорят, что разум побеждает, покоряет, укрощает чувства, плоть, ср. еще *смирять, обуздывать, подавлять, (пре)одолевать, овладевать, властвовать (собой, своими чувствами), самообладание, повелевать, управлять* и т.д. Особенно подходящим словом является *держать* и однокоренные: *одерживать (победу), сдерживать(ся), удерживать(ся), держать в узде, держать себя в руках, выдержка, воздержание, безудержный*. Победу могут одержать и чувства, тогда человек становится одержимым (желанием, любовью, гневом, страхом), рабом своих страстей. Чувства бунтуют, бушуют, разыгрываются подобно стихийным явлениям – буре (ср. в применении к эмоциям: *бурный, бурлить, обуревать*), грозе, наводнению (*захлестывать, нахлынуть, захлебываться, половодье чувств*), землетрясению (*потрясать, содрогаться от ужаса*), пожару (*вспыхивать, пылать* и т.д.).

Эта стихийная, неразумная сила часто воплощается в образе дикого, звероподобного существа, тиранящего⁴⁴, терзающего, пожирающего нас, ср. определения, применяемые к разным чувствам: *грызущий* (*угрызения совести*, ср. *червь сомнения*⁴⁵), *снедающий*, *гложащий* (ср. *питать любовь, ненависть, надежду; давать пищу для подозрений; насытить желание, чувство мести; всепожирающая/всепоглощающая страсть*), *сосущий*, *жалящий* (ср. этимологическое родство *жалеть* и *жалить*⁴⁶), *гнетущий*, *давящий*. С этим же кругом образов (чувство как живое существо) связаны выражения *тешить чью гордость, самолюбие; лелеять надежду, злобу; отдаваться во власть чувства, давать волю гневу, ненависти, раздражению; предаваться наслаждениям, тоске; будить в ком зверя* и т.д. Ср.:

Трудно вообразить, еще труднее понять европейцу вспыльчивость необузданных или, лучше сказать, разнузданных страстей азиатца, у которого с самого младенчества одна воля была границей желаний. Наши страсти – домашние животные или хоть и дикие звери, но ручные, смирные, выученные плясать по веревке приличий, с кольцом в носу, с обстриженными когтями; на Востоке они вольны, как тигры и львы. (А. Бестужев-Марлинский, Аммалат-бек, 5)

Отходящая эпоха являлась веком душевности. Тело было в презрении. Ему льстили, его питали и баловали, как любимое домашнее животное, но и относились к нему, как к животному (Федотов 1990, 139).

А то чувство какое бессловесное в груди ворочается, стучит кулаками в двери, в стены: задыхаюсь! выпусти! – а как его, голое-то, шершавое, выпустишь? какими словами оденешь? Нет у нас слов, не знаем! Как все равно у зверя дикого, али у слеповрана, али русалки – нет слов, мык один! А книгу раскроешь – и там они, слова, дивные, летучие [...]. (Т. Толстая, Кысь, гл. Ци)

⁴⁴ Ср.: «человек, одолеваемый вожделениями вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников» (Платон, Государство, 440b; перевод А. Егунова). Там же (329bc) приводится ответ старого Софокла на вопрос о его отношении к любовным утехам: «я с величайшей радостью ушел от этого, как уходят от яростного и лютого повелителя».

⁴⁵ Вспомним «Мцыри»: «Я знал одной лишь думы власть, | Одну – но пламенную страсть: | Она, как червь, во мне жила, | Изгрызла душу и сожгла. [...] Я эту страсть во тьме ночной | Вскормил слезами и тоской».

⁴⁶ Фасмер 1967, т. 2, 34.

Таким же диким существом, терзающим, душащим, высасывающим силы, представляется болезнь (ср. *рак, грудная жаба, волчанка, схватывать/отпускать* – о боли, *прохватить, прихватить, грыжа* ^{*}**gryzja*).

Прямое назначение и долг разума в том, чтобы повелевать, управлять: «Коня правят уздою, а человека умом»⁴⁷; «способности рассуждать подобает господствовать» (*Платон*, Государство, 441e; перевод А. Егунова), поэтому преобладание чувств над разумом (у страстных натур, «горячих голов») означает слабость разума и разумной воли. Именно в этом смысле говорят о слабости и слабостях человека (ср. *иметь/питать слабость к чему* – т.е. страсть, пристрастие, фразы типа «Дети – моя слабость», ср. ПД, 130: «Это слабость его. Это его слабая струна/сторона»), ср.: «все поведение гневливца говорит о мелочности и душевной слабости [...]» (*Плутарх*, О подавлении гнева, 8; перевод Я. Боровского). А «кто гнев свой одолевает, крепок бывает» (ПД, 129). В силе чувства, природного начала – слабость разума («Сила – уму могила» – ПД, 834), воли, слабОВОлие, безволие. Волю в подобных контекстах (*сила воли* и др.) можно понимать как разумное, осмысленное желание⁴⁸, т.е. желание, по сути дела идущее против желаний, сдерживающее, ограничивающее их (ср. в приведенном отрывке из Бестужева-Марлинского: «одна воля была границей желаний»), владеющее, повелевающее ими. 'Желание' и было одним из исходных значений слова *воля*, ср. лат. *volo, velle*, нем. *wollen* и др. Того же корня *владеть, велеть, Велес* («скотий бог»), *Варуна* («Господин Слова и верховный судья») – и, вероятно, *великий*⁴⁹. Противоположные смыслы, связываемые с волей, представлены в пословице «Воля заведет в

⁴⁷ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков 1961, 41.

⁴⁸ Ср. в уже цитированных платоновских «Определениях» (414c): «Воля – целестремленность, соединенная с правильным рассуждением; благоразумное стремление согласно природе» (перевод С. Шейнман-Топштейн). Ср.: «Ведь в разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме – желание и страсть» (*Аристотель*, О душе, 432b5; перевод П. Попова); «Поистине, воля – большее, чем разум. Поистине, когда [человек] желает, то он понимает, то он произносит речь [...]» (Чхандогья упанишада, 7.4.1; перевод А. Сыркина; ср. еще 7.5.1).

⁴⁹ Топоров 1987, 17–18.

неволю» (ПД, 842): давая волю чувствам, мы становимся их невольниками, лишаемся собственной, разумной воли.

Человек, его тело и душа постоянно соотносятся с образами внешнего мира: со всем космосом и со всем обществом как великаном-первочеловеком (ср. «Мир – велик человек», ПД, 404), с государством, семьей, домом и т.д. Соответственно разум представляется правителем («Свой ум – царь в голове», ПД, 440), господином, военачальником, главой семьи, хозяином в доме (ср. «Своим умком – своим домком», ПД, 440), пастырем, а чувства (тело) – подданными, «(простым) народом», воинами, вестниками, слугами, рабами, домоладцами, детьми, домашними животными, стадом; ср. «бессловесность» или косноязычие, неполноценное слово (μῦθος) последних – рабов, детей (лат. *in-fans*, рус. *от-рок* ‘неговорящий’), животных⁵⁰. Платон (Государство, 440e-441a) соотносит три рода начал в обществе – деловое (ремесленники и земледельцы) защитное (воины) и совещательное (стражи-философы) – и в душе (вождеющее, яростное и разумное). Пословицы «Народ – тело, царь – голова», «Царь без слуг – как без рук», «Господин гневу своему – господин всему» (ПД, 243, 244, 129) перекликаются с древнеиндийскими представлениями о царстве как плоти царя, согласно которым «безраздельное владение царством совпадает с обретением царем “полного самообладания” (*атмаватта*)», «победы над чувствами»⁵¹.

Еще один внешний образ – дом как строение – предполагается поговорками «У него не все дома, одной клепки нет», «У него чердак без верху: одного стропильца нет» (ПД, 20, 436), *крыша поехала* у кого, совр. разг. *безбашенный* и др. Ср.: «Нужно содержать дворец в чистоте, открыть "двери". "Дворец" [здесь] означает сердце, сердце – это вместилище ума. Поэтому говорится, что "чистота дворца" означает

⁵⁰ А без слова нет и мысли, ср.: «Массы находятся под воздействием известных сил, стоящих у вершин общества. Массы непосредственно не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок собирательному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение» (Чаадаев, Первое философическое письмо; перевод Д. Шаховского).

⁵¹ Романов 1978, 26.

освобождение от чувств симпатии и неприязни. "Двери" [здесь] означают глаза и уши, являющиеся [органами] зрения и слуха» (Гуань-цзы, 36.1; перевод Ян Хиншуна); «Тому назад одно мгновенье | В сем сердце билось вдохновенье, | Вражда, надежда и любовь, | Играла жизнь, кипела кровь: | Теперь, как в доме опустелом, | Все в нем и тихо и темно; | Замолкло навсегда оно. | Закрыты ставни, окны мелом | Забелены. Хозяйки нет. | А где, Бог весть. Пропал и след» (Евгений Онегин, 6.32). «Хозяйка» здесь конечно душа.

Заключение

Чувства подобно окнам и дверям находятся на границе между внутренним и внешним миром. С них начинается та цепочка человеческого познания (чувство – слово – мысль), которую мы пытались проследить. Выходя за пределы собственно познания и неизбежно огрубляя, можно наметить такую более полную последовательность:

внешнее раздражение → чувство → выражение чувства, знак, в частности слово → мысль (внутреннее, «чувственное» слово) → слияние мысли и чувства (содержательное, а не «техническое»), «низведение ума в сердце», воля → исполнение воли, поступок (дело или слово)

Ср. тексты вроде следующего: «И ведь говорят: "Этот *пуруша* состоит из желания". Каково бывает его желание, такова бывает воля; какова бывает воля, такое деяние он и делает; какое деяние он делает, такого удела он и достигает» (Брихадараньяка упанишада, 4.4.5; перевод А. Сыркина). Подчеркнем в заключение еще раз, что ключевым звеном в таких цепочках, перекидывающим мост между чувством и мыслью, желанием и волей, является слово, в конкретных текстах часто не упоминаемое.

Литература

Айрапетян В. 2011, Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. 2-е, дополненное и исправленное изд., Москва, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 672 с.

- Аникин А.Е. 2011, Русский этимологический словарь, вып. 4, Москва, «Знак», 328 с.
- Бахтин М.М. 1996, 1961 год. Заметки, Собрание сочинений в 7 т., т. 5, Москва, «Русские словари», с. 329-360.
- Бахтин Н.М. 1995, Из жизни идей, Москва, «Лабиринт», 152 с.
- Битов А. 2001, Андрей Битов: Благодать безвременья, Искусство кино, Москва, N 5, с. 73-81.
- Бибихин В.В. 2001, Слово и событие, Москва, «УРСС», 280 с.
- Валери П. 1993, Об искусстве, Москва, «Искусство», 507 с.
- Гинзбург Л.Я. 2002. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. Санкт-Петербург, «Искусство – СПб», 768 с.
- Григорян А. 1991, Мысль, слово, дело – три рода и три сферы человеческой деятельности, Ноосфера и художественное творчество, Петрик Л.П. (ред.), Москва, «Наука», с. 111-118.
- Григорян А. 1992, Смех и слово (грамматика смеха), Образ мира в слове и ритуале, Балканские чтения – I, Злыднева Н.В., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. (ред.), Москва, Институт славяноведения и балканистики РАН, с. 133-151.
- Григорян А. 1994, Первочеловек и первослово (к истокам мифа о Прометее), Знаки Балкан, Гринцер Н.П., Цивьян Т.В., Топоров В.Н. (ред.), ч. 1, Москва, «Радикс», с. 135-171.
- Даль В. 1957, Пословицы русского народа. Сборник В. Даля, Москва, «Гослитиздат», 902 с.
- Даль В. 1994, Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т., Москва, изд. группа «Прогресс», «Универс» [репринт 3-го изд. Бодуэн де Куртенэ И.А. (ред.), Санкт-Петербург – Москва, «изд. товарищества М.О. Вольф», 1903-1909], т. 1, 1744 стб., т. 2, 2030 стб., т. 3, 1782 стб., т. 4, 1619 стб.
- Дворецкий И.Х. 1986, Латинско-русский словарь, Москва, «Русский язык», 840 с.
- Лебедев А.В. 2014, Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов), Санкт-Петербург, «Наука», 533 с.
- Малкольм Н. 1993, Людвиг Витгенштейн: Воспоминания, Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель, Руднев В.П. (ред.), Москва, «Прогресс», «Культура», с. 31-96.

- Музиль Р. 1999, Малая проза. Избранные произведения в 2 т., Москва, «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», т. 1, 448 с.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков 1961. Изд. подготовили Мельц М.Я. и др., Москва – Ленинград, изд. АН СССР, 289 с.
- Романов В.Н. 1978, Древнеиндийские представления о царе и царстве, Вестник древней истории, N 4, с. 26–33.
- Суконик А. 1990, Одесса – Москва – Нью-Йорк, Москва, СП «Вся Москва», 221 с.
- Топоров В.Н. 1963, К этимологии слав. *myslъ*, Этимология, Трубачев О.Н. (ред.), Москва, «Наука», с. 5–13.
- Топоров В.Н. 1987, Заметки по похоронной обрядности, Балто-славянские исследования 1985, Иванов Вяч. Вс. (ред.), Москва, «Наука», с. 10–52.
- Топоров В.Н. 1988, О ритуале. Введение в проблематику, Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках, Новик Е.С. (ред.), Москва, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», с. 7–60.
- Топоров В.Н. 1994, Из индоевропейской этимологии. V (1), Этимология. 1991–1993, Трубачев О.Н. (ред.), Москва, «Наука», с. 131–154.
- Топоров В.Н. 1999, Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах, Славянские этюды: Сб. к юбилею С.М. Толстой, Левкиевская Е.Е. (ред.), Москва, «Индрик», с. 491–532.
- Трубачев О.Н. 1959, История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва, изд. АН СССР, 212 с.
- Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева, в 4 т., Москва, «Прогресс», т. 1, 1964, 563 с., т. 2, 1967, 672 с., т. 3, 1971, 828 с., т. 4, 1973, 856 с.
- Федотов Г.П. 1990, *Carmensaeculare*, Вопросы философии (Москва), N 8, с. 137–146.
- Цветаева М. 1994, Искусство при свете совести, Собрание сочинений в 7 т., т. 5, Москва, «Эллис Лак», 720 с.
- Честертон Г.К. 1984, Писатель в газете: Художественная публицистика, Москва, «Прогресс», 384.
- Этимологический словарь славянских языков 1988, Трубачев О.Н. (ред.), вып. 2, Москва, «Наука», 238 с.
- Юркевич П.Д. 1990, Философские произведения, Москва, «Правда», 670 с.

ՄԻՏՔ ԵՎ ԶԳԱՑՄՈՒՆՔ, ԻՆՉ ԵՆՔ ԽՈՍՈՒՄ ԴՐԱՆՑ ՄԱՍԻՆ

Արմեն Գրիգորյան (ՌԴ, Մոսկվա)

Ամփոփում

Առօրյա և գրական բառագտագործման բանասիրական վերլուծությունը թույլ է տալիս բացահայտել մտքի և զգացմունքի միջև եղած էական նմանությունները և տարբերությունները: Այսպես կոչված, «զգացմունքների լեզուն» և դրա հետ սերտորեն կապված «բնության լեզուն» միայն արտաքին, մակերեսային նմանություն ունեն իսկական լեզվին՝ մարդկային հոդաբաշխ խոսքին (լոգոսին): Զգացմունքների լեզվական արտահայտությունները թե՛ քերականության, թե՛ իմաստի առումով քիչ ընդհանուր բան ունեն խոսքի ոլորտին վերաբերող արտահայտությունների հետ (հմմտ. զգացմունքի և խոսակցության բայերը): Զգացմունքի և մտքի հարաբերությունը հասկանալու համար կարևոր նշանակություն ունի հին հնդեվրոպական «միտք, խոսք, գործ» եռյակը և դրա հետ սերտորեն կապված՝ «անհատ, հասարակություն, բնություն» եռյակը: Զգացմունքը կարող է ընկալվել որպես ներքին գործ (ներքին բնություն), իսկ միտքը՝ ներքին խոսակցություն ինքն իր հետ:

Այսպիսով, միտքը նմանվում է զգացմունքին իր ներքին, «հոգեկան» բնույթով և տարբերվում է խոսքի հետ ունեցած իր կապով (մինչդեռ զգացմունքները «անխոս» են): Պատմականորեն, զգացմունքի և մտքի միջև անցումային օղակը խոսքն է՝ մարդկային լեզուն:

Բանալի բառեր՝ զգացմունք, «միտք, խոսք, գործ» եռյակ, «զգացմունքի լեզու», կյանք, հոգի և մարմին, կամք, գիտելիք:

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО, КАК МЫ О НИХ ГОВОРИМ

Армен Григорян (РФ, Москва)

Резюме

Филологический анализ повседневного и литературного словоупотребления позволяет выявить существенные сходства и столь же существенные различия между мыслью и чувством. Так называемый «язык чувств» и близкий к нему «язык природы» лишь внешне, по поверхностной аналогии уподобляются подлинному языку – человеческому членораздель-

ному слову-логосу. Языковые выражения, обозначающие чувства, и грамматически и содержательно имеют мало общего с выражениями, относящимися к речевой сфере (ср. глаголы чувства и глаголы говорения). Для понимания соотношения чувства и мысли ключевое значение имеет древняя индоевропейская триада «мысль, слово, дело» и тесно связанная с ней триада «личность, общество, природа». Чувство может пониматься как внутреннее дело/природа, а мысль как внутренний разговор с самим собой. Таким образом мысль и чувство роднит их внутренний, «душевный» характер, а отличает словесная природа мысли (тогда как чувства «бессловесны»). Средним, исторически переходным звеном от чувства к мысли выступает слово, человеческий язык.

Ключевые слова – чувство, триада «мысль, слово, дело», «язык чувств», жизнь, душа и тело, воля, знание.

THOUGHT AND FEELING AS WE TALK ABOUT THEM

Armen Grigoryan (RF, Moscow)

Abstract

A philological analysis of everyday and literary word usage reveals significant similarities and equally significant differences between thought and feeling. The so-called "language of the senses" and the closely related "language of nature" are just superficially, by an external analogy, likened to the real language – the human articulate word (logos). Language expressions denoting feelings, both grammatically and meaningfully, have little in common with expressions related to the speech sphere (cf. verbs of feeling and verbs of speaking). To understand the relationship between feeling and thought, the ancient Indo-European triad "thought, word, deed" and the adjacent triad "personality, society, nature" are of key importance. Feeling can be understood as an internal matter (internal nature), and thought – as an internal conversation with oneself. Thus, thought and feeling are similar by their inner, "soul" character, and are distinguished by the verbal nature of thought (whereas feelings are "wordless"). The middle, historically transitional link from feeling to thought is the word, the human language.

Key words – feeling, triad "thought, word, deed", "language of feeling", life, soul and body, will, knowledge.